Фридер и Катерлизхен

Жили-были на белом свете муж (которого звали Фридер) да жена (ее звали Катерлизхен); поженились они не так давно и считались все еще молоды- ми.

Однажды сказал Фридер: «Я пойду в поле, Катерлизхен; а как вернусь оттуда, пусть у тебя тогда на столе будет приготовлено что-нибудь жареное для утоления голода да какое-нибудь прохладительное питье для утоления жажды». — «Ступай, ступай, Фридер, — отвечала ему Катерлизхен, — уж я тебе все как следует приготовлю».

Когда же наступило время обеда, она достала из трубы колбасу, которая там коптилась, положила ее на противень, подбавила к ней маслица и поставила противень на огонь. Колбаса стала поджариваться и шкворчать на противне, а Катерлизхен, стоя около огня и держась за ручку противня, сама про себя раздумывала…

«А что? — пришло вдруг ей в голову. — Пока колбаса изжарится, ведь я бы тем временем могла в погреб спуститься и питья нацедить».

Вот она установила противень-то на огне покрепче, взяла кружку, сошла в погреб и стала цедить пиво. Течет пиво в кружку, Катерлизхен на него смотрит, да вдруг и спохватилась: «Э-э, собака-то у меня наверху не привязана! Пожалуй, еще колбасу-то из противня вытащит, вот будет дело-то!» — и в один миг взбежала по лестнице из погреба…

И видит: собака уж держит колбасу в зубах и волочит ее за собою по земле.

Однако же Катерлизхен не ленива бегать, пустилась за собакой в погоню и гналась за нею довольно-таки долго по полю; но собака бежала быстрее ее и колбасы из зубов не выпускала, и уволокла ее за поле. «Ну, что есть — то есть!» — сказала Катерлизхен, вернулась назад и, утомившись от беготни, пошла домой тихонько, чтобы немного остудить себя.

А тем временем пиво из бочки бежало да бежало, потому что Катерлизхен забыла кран завернуть; налилась кружка полная, а потом потекло пиво мимо кружки в погреб и текло до тех пор, пока вся бочка не опорожнилась.

Катерлизхен еще с лестницы увидела, какая беда случилась в погребе. «Вот тебе на! — воскликнула она. — Что теперь делать, чтобы Фридер этой беды не заметил?»

Подумала, подумала, да и вспомнила, что еще с последней ярмарки на чердаке лежит у них мешок отличной пшеничной муки, вот и придумала она тот мешок с чердака снести да в погребе и рассыпать по полу, залитому пивом. «Да, уж это можно сказать! — подумала она. — Запас беды не чинит и в нужде пригождается!»

Полезла она на чердак, стащила оттуда мешок и спустила его с плеч как раз на кружку, полную пива; кружка опрокинулась, и питье, приготовленное для Фридера, тоже разлилось по погребу.

«Недаром люди говорят, — проговорила Катерлизхен, — что где одно положено, там и другому найдется место!» — и рассыпала муку из мешка по всему погребу. И когда рассыпала, налюбоваться не могла на свою работу и даже сказала: «Вот как тут все чисто и опрятно теперь!»

В обеденное время пришел и Фридер домой. «Ну-ка, Катерлизхен, что ты мне приготовила?» — «Ах, Фридер! — отвечала она. — Задумала я тебе колбасу изжарить; но пока я пиво из бочки цедила в погребе, собака утащила колбасу с противня; а как я погналась за собакой, все пиво из бочки ушло; задумала я погреб от пива пшеничной мукой высушить и кружку с пивом тоже опрокинула. А впрочем, будь покоен, в погребе теперь у нас сухо». — «Женушка, женушка! — сказал ей Фридер. — Лучше бы ты этого не делала! Колбасу дала собаке утащить, пиву дала из бочки утечь да еще пиво засыпать пшеничной мукой выдумала!» — «Так-то так, муженек! Да ведь я всего этого не предвидела: ты бы должен был мне все вперед сказать».

Фридер подумал: «Ну, если и дальше так с женой пойдет, так и точно придется мне самому обо всем заранее подумать».

Вот и случилось, что накопивши порядочную сумму талерами, променял он их на золото и сказал Катерлизхен: «Вот видишь тут эти желтые черепочки? Эти черепочки я сложу в горшок да зарою в хлеву под яслями у коровы; только смотри — не трогай их, а не то тебе от меня достанется!» И она сказала: «Нет, муженек, ни за что не трону».

Когда же Фридер ушел, пришли в деревню торговцы продавать глиняные кружки и горшки и спросили у Катерлизхен, не желает ли она что-нибудь купить. «Э-э, добрые люди, — сказала Катерлизхен, — нет у меня никаких денег, и ничего я у вас купить не могу; а вот если вам нужны желтые черепочки, так на черепочки и я бы у вас кое-что купила». — «Желтые черепочки? А почему бы не нужны? Покажи-ка их нам!» — «Так вот ступайте в хлев и поройтесь под яслями у коровы, там и найдете желтые черепочки в горшке, а я при этом и быть не смею!»

Плуты-торговцы пошли по ее указанию, порылись под яслями и отрыли чистое золото. Золото они забрали, да с ним и бежали, а товар свой, горшки да кружки весь в доме покинули.

Катерлизхен и подумала, что и эта новая посуда ей пригодиться может; но так как на кухне в ней не было недостатка, то у всех новых горшков она повыбивала дно и расставила их в виде украшения на заборные столбы вокруг всего дома.

Как вернулся Фридер домой, как завидел это новое украшение, так и стал говорить: «Дорогая, что это ты опять наделала?» — «А это я купила, дорогой, на те желтые черепочки, что под яслями у коровы зарыты были… Сама-то я туда не ходила — так продавцы уж их откопали». — «Ах, Катерлизхен! Что ты наделала? Ведь это же не черепки были, а чистое золото, и в том было все наше состояние. Ты бы этого не должна была делать!» — «Так-то так, дорогой, — отвечала она, — да я же этого не знала; ты бы мне должен был наперед сказать».

Постояла минутку Катерлизхен, подумала и говорит: «Послушай-ка, муженек, ведь золото твое ты можешь снова добыть, побежим скорее вслед за ворами». — «Пойдем, пожалуй, — сказал Фридер, — попытаемся; захвати только с собою хлеба и сыра, чтобы было нам что по дороге перекусить». — «Ладно, муженек, захвачу».

Пустились они в погоню, и так как Фридер был на ногу легче жены, то Катерлизхен от него и поотстала. «Этак-то еще и лучше, — подумала она, — как будем назад возвращаться, мне же менее идти придется».

Вот и пришли они путем-дорогою к горе, где на обоих склонах прорезаны были колесами глубокие колеи. «Ишь ты, — сказала Катерлизхен, — ведь они тут бедную землю изрезали, изрыли и исполосовали так, что во весь век не заживет!» Да с великой-то жалости возьми и намажь все колеи маслом, чтобы колеса по ним мягче катились; а между тем как она над колеями нагибалась, выкатилась у нее одна головка сыра из фартука и покатилась вниз по горе. «Ну, нет, брат, — сказала Катерлизхен, — я раз-то взошла на гору, а из-за тебя другой раз всходить на нее не стану; пусть другой сыр за ним скатится и вернет его сюда».

Взяла она другую головку сыра и скатила ее вслед за первой. Однако же сыры не возвращались к ней; тогда она и третий вслед за ними спустила и подумала: «Может быть, они третьего поджидают и не хотят возвращаться одни».

Но и три сыра не возвращались; тогда она решила: «Видно, третий-то не нашел к ним дороги и заблудился на пути, пошлю-ка я и четвертый за ними, пусть позовет их». Но и с четвертым то же случилось, что и с третьим.

Тогда женушка рассердилась, швырнула под гору и пятую, и шестую головку, так что у нее сыру уж и совсем не осталось.

Однако же она их некоторое время поджидала еще и прислушивалась; но так как сыры не возвращались, она на них махнула рукой и проворчала: «Вас хорошо бы за смертью посылать! Ждать вас не стану: захотите и сами меня нагоните!»

Пошла Катерлизхен дальше и сошлась с мужем, который остановился и поджидал ее, потому что ему есть захотелось. «Ну-ка, давай сюда, что у тебя там есть в запасе!»

Та подала ему сухой хлеб. «А где же масло и сыр?» — «Ах, муженек, маслом я колеи на дороге вымазала; а сыры наши скорехонько вернутся: один у меня из рук выкатился, а другие я сама за ним вслед послала, чтобы они его обратно привели». — «Ну, женушка, могла бы ты этого и не делать! Эка, что выдумала — маслом дорогу смазывать, а сыры с горы скатывать». — «Так-то так, муженек, да все ты же виноват, зачем не предупредил меня».

Пришлось им обоим закусывать сухим хлебом; вот и сказал Фридер: «Женушка, да заперла ли ты дом наш, как из него уходили?» — «Нет, муженек, ты бы мне это сказать должен был». — «Ну, так воротись же домой и сначала запри дверь, а потом уж и пойдем дальше; да кстати уж и поесть чего-нибудь другого принеси, я буду тебя здесь поджидать».

Пошла Катерлизхен домой, да и думает: «Муженек хочет чего-нибудь другого поесть, сыр да масло ему не по вкусу пришлись, так вот, захвачу я для него из дому целый узел сушеных груш и кружку уксусу».

Затем она задвинула задвижкой дверь верхнего этажа в доме, а нижнюю сняла с петель и с собой захватила, положив на плечи, а при этом подумала, что коли дверь у ней под охраной будет, так и в дом никто войти не сможет.

Не скоро дошла до места Катерлизхен и все думала: «Пусть муженек-то тем временем отдохнет».

Когда же дошла она до Фридера, то сказала: «Вот тебе, муженек, и дверь домовую принесла, на-ка, сторожи ее». — «Ах, Господи, то-то умная у меня женушка! Нижнюю-то дверь с собой унесла, так что каждому теперь в дом наш путь открытый, а в верхнем этаже задвижкой задвинула! Ну, теперь уж

поздно домой ворочаться; но уж если ты сюда дверь притащила, так изволь же тащить ее на себе и дальше!» — «Пожалуй, дверь-то я и понесу, муженек, а уж узел с сушеными грушами и кружку с уксусом мне нести тяжело; я их на дверь повешу, пусть их дверь несет».

Вот они наконец и в лес вошли, стали искать плутов-торговцев, однако же не нашли.

Стало уже темнеть, и забрались они на дерево, предполагая там переночевать. Но едва наверху уселись, как пришли под то дерево те самые добрые молодцы, которые уносят с собою все, что само за ними идти не хочет, и умеют разыскивать вещи прежде, чем они потеряются.

Сели они под деревом, на которое Фридер и Катерлизхен залезли, развели огонь и собирались делить свою добычу. Фридер спустился с дерева на другую сторону набрать каменьев, опять влез с ними на дерево и хотел пришибить ими воров насмерть. Но ни один из его камней не попал в цель, и воры стали говорить между собой: «Видно, скоро светать начнет, ветром стало сбивать с елей шишки».

А Катерлизхен тем временем все еще держала дверь на плечах, и так как ей было держать тяжело, то она и подумала, что это узел с грушами дверь оттягивает, и сказала мужу: «Я узел с грушами сброшу». — «Нет, женушка, теперь не бросай, а то по грушам и нас на дереве разыщут». — «Нет, брошу, не могу, очень уж они меня тяготят». — «Ну, так и делай, черт возьми!»

И посыпались груши сквозь ветви вниз, а те, что внизу сидели, даже и внимания на них не обратили.

Немного спустя Катерлизхен, которая по-прежнему изнемогала под тяжестью двери, сказала мужу: «Ах, муженек! Мне и уксус тоже надо вылить». — «Нет, женушка, не делай ты этого, а то они, пожалуй, нас отыщут!» — «Ох, муженек, не могу: я должна его выплеснуть! Уж очень он меня тяготит!» — «Ну, так выливай же, черт побери!»

Выплеснула она уксус и обрызгала внизу добрых молодцев. Стали они друг с другом переговариваться, что роса, мол, падает.

Наконец-то Катерлизхен догадалась: «Да уж не дверь ли это мне так оттягивает плечо? — и сказала мужу: — Муженек, я и дверь тоже скину с плеч!» — «Как можно! Тогда нас сейчас же откроют!» — «Ах, не могу! Очень она меня тяготит!» — «Да нет же, держи ее!» — «Нет, никак не могу — оброню!» — «Ну, так вали же ее, нелегкая ее побери!» — отвечал Фридер с досадой.

Дверь свалилась с дерева с шумом и грохотом, и воры под деревом закричали: «Сам дьявол на нас валится с дерева!» — бросились врассыпную и всю добычу покинули на месте.

Ранешенько утром, когда Фридер и Катерлизхен спустились с дерева, они нашли под ним все свое золото и понесли его домой.